

Михайло Ломоносов

Древняя Российская история от начала княжения Рурикова до кончины Ярослава Первого

Глава 1

О княжении Рурикове и о прочих князях и владетелях, призванных из варяг-россов

Рурик, самодержавства русского
основатель и праотец многих государей, по
прошению славян и чуди пришел к ним на

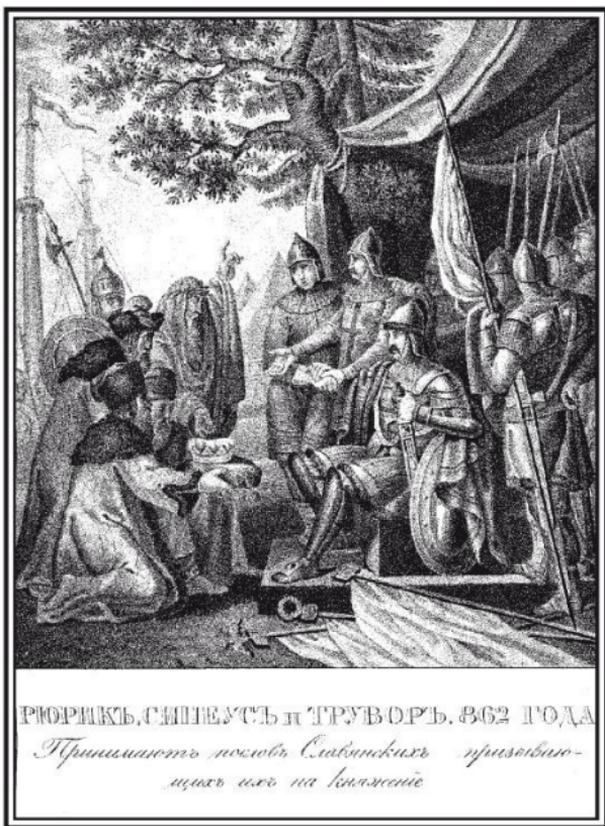
княжение с двумя братьями, со всем родом и с варягами-россами ¹. К пребыванию сперва избрал Ладогу, хотя новгородские славяне были главные его просители и великость города больше приличествовала к столице. Посему кажется, что Рурик на слове их не совсем утверждался, ведая происходившие между ними межусобия. Ладога для всегдашнего проезду славян, варягов и чуди удобность подавала примечать движения недоброхотов его в Новгороде. Средний брат Синеус сел княжить на Беле-озере; меньший, Трувор, в Изборске.

Таким образом, по единой крови и по общей пользе согласные между собою государи, в разных местах утвердись, шатающиеся разномысленных народов члены крепким союзом единогодушного правления связали. Роптать приобыкшие новгородцы страшились Синеусова вспоможения Рурику, ибо он обладал сильным белозерским чудским народом, называемым весью. Трувор, пребывая в близости прежнего жилища, скоро мог поднять варягов к собственному и братьей своих защищению. Итак, имея отвсюду взаимную подпору, беспокойных голов, которые на избрание Руриково не соглашались, принудили к молчанию и

---

¹ 862 года. Нестор.

к оказанию совершенной покорности, так что, хотя Синеус по двулетном княжении скончался и Трувор после него жил недолго, однако Рурик в Великий Новгород преселился и над Волховым обновил город.

Единоначальствуя над многими землями, роздал боярам своим города и области для управления и отпустил их с роды своими и со многими россами, особливо ж в Полотск, в Ростов и

на Бело-озеро, дабы россы, соединясь со славянами и с чудью, один народ составили и тем бы укрепили общую тишину с его владением.

Видя Руриков разум и мужество, некто знатный новгородец, именем Вадим, человек, склонный к общенародному прежнему владению, и сам желал быть, по-видимому, в том участником или еще и главным, советовал с единомышленниками своими, как бы избыть от русской власти ². И, уповая на свою у новгородцев важность и на сообщников, говорил не закрытно, что Рурик пришел привести их руссам в рабство и в роды родов утвердить самодержавство. Услышав сии возмутительные речи и узнав умышление, Рурик Вадима с главными сообщниками предал смерти. И так иных грозою к боязни, иных властью к послушанию, иных правосудием и милостию к люблению приведши, на владении утвердился непоколебимо.

Державе его тогда покорны были от славенского языка: Новгород, Изборск и Полотск; из чудского народа: меря, весь и мурома, то есть Ростов, Бело-озеро и Муромская земля. Южные славяне, как поляне, кривичи, древляне, северяне и прочие, отчасти своими старейшинами

---

² Новгородский летописец.

управлялись, отчасти дань платили козарам. Северные славяне от новых своих владетелей прозвались россами.

Пришли из варяг с Руриком двое знатные бояре Осколд и Дир, которые в покое жить не обыхли, но любили всегда в военном деле упражняться. Сии просили, чтобы отпустить их с родом и с людьми своими к Царюграду поискать войною большего счастья. По уволении предприяли путь по Днепру вниз судами. В Полянской земле на горе увидели город и там живущих спросили, кому он подвластен? На сие от жителей ответствовано, что три брата — Кий, Щек и Хорев — построили сей город во имя старшего и уже их не стало. Жители платят дань козарам. Осколд и Дир поселились в Киеве, присовокупили к себе множество варягов и начали княжить над полянами, не завися от Рурика.

Утвердясь на владении, собрали войско и пошли на Царьград во время Михайла царя, в четвертоенадесять лето его державы ³. Будучи сей государь в походе против агарян у Черной реки, по вести, данной от епарха, в Царьград возвратился. Осколд и Дир, приставши к берегам греческим в двухстах судов и разорив окрестные места многим

---

³ Нестор, 866 год.

убийством, обступили город, и сам царь пробрался в него с нуждою. Вшел в Влахернскую ⁴церковь с патриархом Фотием, слушал молебства во всю ночь. Ризу Богоматере с пением вынеся на берег, в воду погрузили в тихое время. Внезапно поднялась великая буря и росские суда, пригнав к берегу, разбила. Осколд и Дир, потеряв великое множество войска, с немногими остатками возвратились в Киев.

Глава 2

О княжении Ольгове

Державствовав семнадцать лет в Новегороде, Рурик спокойно достиг кончины ⁵. Умирая поручил сына, еще младенца, Игоря и с ним княжение сроднику своему Ольгу. Сей по смерти его, желая умножить наследство Игорю и

---

⁴ В подлиннике Лахернскую.

⁵ 879 год.

соединить единого племени славенские народы под едино владение, собрал войско из варяг, славян и чуди, взял некоторых кривичей и с ними пришел к Смоленску, город покори́л себе с Кривическою землею и посадил своих правителей. Оттуда по Днепру вниз пустившись, взял Любеч и правление поручил своим воеводам. Приближась к Киеву, где Осколд и Дир княжили, скрыл в судах часть войска, назади оставил другую. И как подплыл под Угорское близ Киева, послал к Осколду и Диру с вестью, что идут купцы в Грецию от Ольга и от Игоря, для того бы они повидались со своими однородцами. Осколд и Дир, не имея никакого подозрения, пришли к судам с малым числом людей с тем, может быть, намерением, чтобы проезжих сих приласкать и присоединить к жителям киевским. Внезапно закрытые в судах выскочили с ружьем и окружили

Осколда и Ди́ра. Тогда Олег, показав Игоря, объявил: «Сей есть сын и наследник Руриков; вы не княжеского рода и княжить вам не должно». И тут по повелению Ольгову Осколд и Дир убиты. Тела их взнесены на гору, что называется Угорское. На Осколдовой могиле поставлена потом церковь Святого Николая; Дирова могила — за Святою Ириною. По смерти их сел Олег на княжении в Киеве и наре́к столицею всех городов, обладаемых

россами. И сим именем прозвались поляне и прочие окрестные славяне его владения.

Олег, радея о благосостоянии себе порученных народов, начал строить города и устанавливать порядочные дани. Во-первых, варягам-россам на содержание учредил, чтобы новгородцы платили по триста гривен на год, что действительно производилось до смерти великого князя Ярослава Первого. На кривичах и на мерях также дань была положена. Потом воевал Олег древлян и с диким сим народом поступал жестоко, дань положил на них тяжкую, по черной кунице с дыму. Северяне и радимичи данники еще тогда были козарские, того ради Олег ходил с войском для освобождения северян и положил на них дань легкую. Радимичи чрез посланных от него пришли в подданство и стали платить дань по шелегу, по чему прежде давали козарам. Привед под власть свою кривичей, любчан, полян, древлян, северян и радимичей, воевал на суличан и на тиверцев.

Около сего времени шли угры мимо Киева чрез место, что ныне называется Угорское ^б. При Днепре стояли вежами. Поход их был подобен половецкому. Между тем Игорь пришел в мужество, ходил на войны под Ольгом, и народ

---

^б 898 год.

начал показывать ему послушание. Потом сочетался супружеством с Ольгою, приведенною от Пскова ⁷.

Уже полагая на Игоря надежду в правлении государства, Олег принял намерение идти на греков. Того ради набрал великое войско из варяг, славян новгородских, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов, дулебов, тиверцев и чуди. Киев поручил Игорю; пошел под Царьград по сухому пути конницею, по воде на двух тысячах мелких судов. Греки, услышав его приближение, узкий проход из Черного моря заперли и в городе затворились. Тогда по выходе с моря на берег устремясь войско Ольгово на грабление, по древнему военному обычаю многие дома и церкви расхитили, пожгли, людей иных порубили, иных вешали, иных в воде топили и мучили разными томлениями. Потом повелел Олег воинству своему сделать колеса и суда на них поставить. Ветр восстал способный и, надув парусы, понес их к стенам цареградским. Греки пришли в великий ужас, сие увидев, и с молением к нему послали, дабы не разорил города, но взял бы дань по своему желанию. Олег велел войску остановиться. Из города вынесли навстречу

---

⁷ 903 год.

разные пиши и вина; но не приняты для опасности от яду. Греки в страхе и удивлении говорили: «Не Олег на нас воует, но святой Димитрий послан от Бога для нашего наказания». Дани потребовано от них по двенадцати гривен на человека. Всех было восемьдесят тысяч, по сороку на судне. На требование согласились, просили мира и прекращения разорительных военных действий.

Олег, отошед мало от города, начал вступать в мирный договор со Львом и Александром, греческими царями ⁸. Для сего послал к ним вельможей, которые с греками согласились, дабы, сверх положенных двенадцати гривен на каждого человека, платить дань в каждую полгода на российские города: во-первых, на Киев, потом на Чернигов, на Переяславль, на Полотск, на Ростов, на Любеч и на иные, в которых великие князи под Ольгом владели; приходящих россиян за данью довольствовать по желанию их пищею и напитками; для возвратного пути давать довольное пропитание и потребные якори, верви и парусы; за шестимесячную данью не приходите россиянам без торгу и товаров; дабы князь запрещал им словом своим в селах наносить обиды; и с приезду стоять у Святого Маманта, пока по царскому повелению

---

⁸ 907 год. Нестор.

всех поименно не переписут; в город входить по пятидесяти человек в одни ворота безоружным; за продажу и покупку товаров не платить пошлыны.

Сей договор цари крестным целованием утвердили. Олег клялся по российскому тогдашнему закону своим оружием и богами Перуном и Во5лосом, скотьим богом. И так с обеих сторон мир утвердили. Олег, повесив свой щит на воротах цареградских в знак победы, с великою корыстию в Россию обратно морем пустился. Россам велел поднять парусы паволочные, славянам кропинные. С таким великолепием, со множеством богатства и узорочных вещей достиг Киева. От простого и суеверного народа прозван чародеем, что дела его почитались невозможными человеку.

По четырех годах являлась комета на западе наподобие куста. Около того же времени послал Олег вельможей своих в Грецию для подтверждения прежнего мира и установления купеческого договора к царям Льву и Александру⁹, которые согласились и на том утвердились: дабы между россиянами и греками пребывал мир непоколебимый и любовь бесподозрительная; не подавать друг другу повода к нарушению согласия,

---

⁹ 911 и 920 г. Нестор. *В подлиннике ошибка: нужно 911 и 912.*

но хранить оное непревратно всегда и во все будущие лета; в судах дела между обоими народами решить по доказательствам, но когда оных не будет, присягать челобитчикам; когда убьет грек россиянина или россиянин грека, за то казнить убийцу смертию на месте, где учинено убийство; когда ж убежит убийца, взять ближнему убиенного сроднику имение и жену убийцу; ежели убийца беден и скрылся, то обождать, пока сыщется, и казни предан будет; за уязвление и побои платить пять литр серебра по российскому закону, но кто скуден, повинен отдать все, что может, и то платье, кое на себе носит, и присягнуть, что чем платить больше не имеет и никто ему не дает помощи; по сем далее не искать; буде россиянин грека или грек россиянина на воровстве застанет и убьет, того на нем не взыскивать и украденное обратно взять позволяется, буде ж вор без обороны в руки отдастся, взять с него украденное втрое; взятое насильством также возвращать втрое; ежели греческое судно принуждено будет к берегу, где россияне, то проводить оное в место безопасное и подавать помощь; равным образом и греки должны спомоществовать россиянам, притом, ежели убийство или насилие

учинится, поступать по установленному выше; буде случится россиянину видеть в чужой

земли полоненного грека или греку россиянина, выкупить одного и отпустить в свою землю, получив данную за него цену, или цену вменить в дань; подобным образом выкупать и военнопленных и возвращать в свою их землю, получая за них данный выкуп; полоненных из вспомогательного войска, коего бы они государства ни были, выкупать по двадцати золотых; россиянам беглых своих или украденных и насильно проданных рабов брать от купцов по челобитью и по признанию рабскому; купцам беглых своих рабов искать по челобитью и брать найденных; кто у себя не даст обыскивать, виноват будет; когда кто из россиян, греческому царю служащих, умрет, не расположив своих пожитков и не имея ближних сродников, то отдать оное в Россию дальним родственникам, буде ж при смерти назначит наследников, тем отдать его имение. Злодеев, убегших из Греции в Россию или из России в Грецию, возвращать в свою землю неволею.

Сие все с обеих сторон взаимными письменными договорами утвердили; греки целованием крестным, россияне по своему закону присягнули, дабы не переступить ни единой черты от положенного и утвержденного согласия; что совершено 912 года в сентябре. Царь Леон почтил послов российских многими дарами и повелел вельможам своим показать им красоту церковную и

палаты, украшенные золотом, наполненные многим сокровищем и драгоценными камнями, притом страсти Христовы и мощи святых, дабы они, сие видя, к вере христианской склонились и, тою соединясь, с греками в мире и в тишине пребывали. По возвращении в Россию объявили послы Ольгу заключение мира, которым довольствуясь пребывал прочее время своей жизни в покое.

О смерти его дивное осталось повествование, вероятность по мере древности имеющее. Прежде войны на греков спросил Олег волхвов, от чего ему конец жизни приключится. Ответ дали, что от любимого своего коня умрет. Для того положил он никогда на него не садиться, ниже к себе приводить, но поставить и кормить на особливом месте. Возвратясь из Греции по четырех годах, во время осени об оном вспомнил. Призвал старейшину конюхов и, жив ли оный конь, спросил. Услышав, что умер, волхвам посмеялся. «Лживы, — сказал, — все ваши гадания: конь мертв, а я жив; хочу видеть кости его и вам показать в обличение». Итак, поехал на место, где лежали голые кости, и, голый лоб увидев, сошел с коня, наступил на него и молвил: «От того ли мне смерть быть может?». Внезапно змея, изо лба выникнув, в ногу ужалила, от чего разболелся и умер, княжив тридцать три года. Весь народ много об нем плакал. Погребен на горе Щековице, и

могила его видна была во время летописателя Нестора.

Глава 3 О княжении Игореve

По смерти Ольгове полную власть княжения Игорь принял ¹⁰. Тогда древляне, уповая избавиться от российского подданства в новое княжение, от него отказались и в городах затворились. Однако надежда их была тщетна и предприятие бесполезно. Храбростию Игоревою побеждены и приведены в послушание, по принуждению платили за свое преступление дань больше прежнего.

В сие время печенеги пришли впервые на Российскую землю, учинили мир с Игорем и прошли к Дунаю ¹¹. Симеон, король болгарский,

---

¹⁰ 913 год.

¹¹ 915 год.

вел войну тогда с греками и воевал Фракию. Греки наняли печенегов; но воеводы их, пришед с ними в несогласие, принудили их отступить и возвратиться в свою землю. Симеон, победив греков, взял Адрианополь.

Игорь, собрав войско, пошел к Царю-граду
12. Болгаре о том весть царю подали, что россы на него идут в судах десять тысяч. Пристав к берегам Малой Азии, российский князь воевал Вифинию, Пафлагонию и Никомидийскую землю до Ираклии. В сие нашествие россиян на греческие области учинены великие грабления и разорения церквей и монастырей; люди многие посечены, расстреляны и вбитыми гвоздьми в голову умерщвлены бесчеловечно. Потом с греческим войском пришел от востока Панфир Демественник, имея сорок тысяч, Фока Патрикей с македонянами, Федор Стратилат с фракиянами и купно другие знатные вельможи и россиян отсюда окружили. Но они совещавшись учинили с греками сражение, и по ярой 13 и долговременной сечи едва греки преодолели. Оставшие россияне ввечеру к

---

12 931 год. В подлиннике ошибка: нужно 941.

13 В подлиннике яркой.

находящемуся у берегов войску возвратились, вошли в ладьи и пустились в море. Феофан, воевода греческий, вышед к ним навстречу, пустил трубами огонь на ладьи российские. От страшного сего чуда и от загоревшихся судов бросались многие в воду и все принуждены были спасаться бегством. Возвратясь в отечество, Игорь тем победу себе отняту быть сказывал, что греки на войско его пускали огонь, молнии подобный.

Однако, желая мщением защитить свою славу, отправил послов к варягам за море, побуждая их воевать против греков. Итак, собрал множество войска: россиян, варягов, полян, славян, кривичей, тиверцев и нанял печенегов, взяв от них аманатов. С оным войском пошел на греков морем и землею 14. Услышав сие, корсунцы послали весть к Роману царю, «что идет на него бесчисленное войско и суда покрыли море». Также и болгаре уведомили греков, что идет Игорь сухим путем и нанял печенегов. Роман, сие слышав, послал к Игорю с дарами и с прошением, чтобы не ходил воевать земли Греческой, но взял бы дань, которую прежде брал Олег, и еще с прибавлением. Также и к печенегам послал шелковые поставки в дар и много золота. Игорь, достигши Дуная, созвал своих

военачальников, сказал царево посольство и стал с ними советовать. Тогда все согласно предлагали: «Когда царь так просит, чего нам желать больше? Без кровопролития получим серебро и золото и шелковые поставки. Кто знает, кому будет победа? и кто с морем договорился, чтобы не взволновалось? Не по земли, но по глубине морской ходим, где всяк скорой подлежит смерти». Сего совета послушав, Игорь печенегам велел воевать Болгарскую землю. Сам, взяв от греков шелковые поставки, серебро и золото на все свое войско, в Киев возвратился.

По сем греческие цари — Роман, Константин и Стефан — прислали послов своих к Игорю для заключения и совершения прежнего мира ¹⁵. Игорь, говорив с ними о союзе, послал бояр своих в Грецию. Роман по совету сановников с российскими послами поставили мир в следующих статьях: «Великому князю российскому Игорю и всем, стоящим под его рукою, быть в мире непоколебимом с цари греческими — Романом, Стефаном и Константином — вечно, доколе солнце сияет и весь мир стоит, и кто тишину нарушить помыслит, христианин да примет месть от Бога Вседержителя, осуждение на погибель в сей век и в

будущий, некрещеные да не имеют помощи от Бога и от Перуна, да не возмогут защититься щиты своими, да посечены будут мечами своими, да падут всяк от своего оружия и да пребудут раби вовеки. Великому князю Игорю и боярам его отпускать в Грецию судов сколько угодно с послами и с купцами, и, как узаконено, послам носить печати золотые, а купцам серебряные. В грамотах объявлять число кораблей. Без грамоты

приехавших держать за сторожами до уведомления российскому князю; противников убивать, не опасаясь взыскания, а о беглецах отписывать князю, с коими поступать ему по своей воле. Когда россияне придут без купечества, то им не брать помесячных сборов по запрещению княжескому, не бесчинствовать в селах страны Греческой и жить в приходе у Святого Маманта. Приехавших переписывать всех поименно, и тогда пускай берут купцы свое помесячное, а послы дань на Киев, Чернигов и Переяславль и на прочие городы. Для торгу в город входить по пятидесяти человек, одними воротами, за царскими приставами, и буде кто россиянин или грек учинит неправду, то они должны давать управу. Россияне, входя в город, не делали б обиды и паволок не покупали б выше пятидесяти золотых. Купленные товары показывать приставу, который запечатав отдать им должен. При отъезде брать россиянам на

дорогу съестные товары и что потребно для судов снасти, как прежде сего установлено, и провожать их с прикрытием греческим, а у Святого Маманта зимовать не позволяется. Ежели раб бежит от россиян к грекам и сыщется, взять его обратно, буде же не сыщется, то платить за него по присяге две паволоки, как установлено прежде. Ежели беглец ушел и взял снос, а по возвращении будет цел, должно платить два золотых. Когда россиянин у грека или грек у россиянина покусится что отнять, наказан будет весьма жестоко, а буде действительно отнимет, должен возвратитъ вдвое, то есть украденное в целости и приложить к тому деньги, чего оно стоит; а когда украденное будет в продаже, отдать двойную цену и татя наказать по законам российским и греческим. Пленников выкупать молодых мужчин и девок взрослых и добрых по десяти золотых, за середовичев по осьми, по пяти за старых и малолетных. Когда найдется россиянин в рабстве у грека как пленник, давать за него выкупу по десяти золотых, буде же он греком куплен, заплатить ему данную цену. Российским князям не воевать земли Корсунской и не иметь над ней никакой власти, ибо она состоит под Греческою державою. А когда российские князи воюют другие страны, тогда греки должны вспомогать потребным числом войска. Когда найдут россияне судно греческое, выкинутое на

берег, то бы оного не обидели. Буде ж кто обидит или что возьмет, либо человека поработит или убьет, тот повинен наказан быть по обеих сторон законам. Корсунцам, ловящим рыбу в днепрских устьях, не делали бы россияне никакой обиды и в устьях бы тех не зимовали, ни в Белобережье, ниже у Святого Елевферия, но возвращались бы на осень в свои дома; и сверх сего, приходящих черней и болгаров воевать страну Корсунскую не допускать князям российским.

Греков-преступников казнить российские князи не имеют власти, но их оставлять на истязание царям греческим. О убийствах судить, как положено было в прежнем договоре с Ольгом. Когда случится нужда Греческому царству в войске против сопостатов, то великий князь российский посылать имеет по грамоте требуемое число, из чего уведают иные страны, какую любовь имеют с Россиею греки». По сему договору присягали российские послы Перуном и оружием, а христианский закон принявшие дали присягу в церкви Святого Ильи; и царя греческого послы российские к присяге приводили. По их возвращении Игорь, доволен будучи заключением сего мира, взошел на холм к Перуну, положил перед ним оружие, щиты и золото и присягал перед греческими послами, и купно его бояре и воеводы.

По заключении сего мира княжил Игорь целое лето в покое, который наставшею осенью пресекася 16. Был у него знатный воевода именем Свендельд, которому из особой любви и милости отдал во владение Древлянскую землю, приобретенную и отягощенную даньми прежде походов своих на Грецию. Свендельд брал по черной куне с дыму и тем весьма обогатился. Военачальники Игоревы, воевавшие с ним Грецию, тому завидуя, говорили князю, что он подарил толь много одному человеку и служащие Свендельду украшены оружием и платьем, а они наги. Итак, советовали итти к древлянам для собрания дани для него и собственной их корысти. Игорь, послушав совета, пошел с нарочитым войском, дабы еще прибавить к первой дани. По многом учиненном насильстве поехал обратно в Киев, однако еще к древлянам для большей корысти с малым числом людей поворотился, несмотря на их отрицательные представления. Древляне рассудили с князем своим, которого Малом звали, «что когда волк привыкнет похищать овец, то выносит все стадо, пока убит не будет». Итак, вооружась на Игоря, перед Коростенем, главным своим городом, его и бывших при нем убили. Могила его была на том месте

видна еще во времена летописателя российского Нестора.

Глава 4 О княжении Ольгине

По убиении Игореве приняла владение великая княгиня Ольга ¹⁷ ради несовершенного возраста единого сына своего Святослава. Древлянам показалось вдовство ея и младость Святослава по их силам, чтоб не токмо от подданства свободиться, но и князя своего возвести на владение киевское, сочетав его с Ольгою браком, и тем взять большинство над россами и полянами. Отправленные для того в Киев двадцать человек знатных приехали водою и пристали под Боровичем. Вода в то время текла близ горы Киевския, и жители не имели еще домов на Подоле, но по горе поселясь жили. Вне города стоял другой

---

¹⁷ 945 год. Нестор.

двор княжеский, называемый теремной для высокого каменного в нем терема. Ольга, услышав о приезде, возмущилась печалию, видя наглость убийцев своего супруга. Слезам и плачу ее соответствовал весь народ рыданием и воплем. По некотором утолении великой печали предприняла великая княгиня в сердце своем отмстить древлянам смерть супружню всевозможными способами. И для того, во-первых, хитрым приятием посланцев положила начало к произведению своего умысла; ласково отвечала представшим перед нею с дерзостною речью, что они от Древлянской земли посланы ей сказать: «Мужа твоего убили мы за отягчение нас безмерною данию, которою, однако, еще не довольствовался, как волк нас расхищая. Наши князи добронравны, обогатили свое владение земледельством; и тебе прилично посягнуть за князя нашего Мала». — «Люба мне речь ваша, — сказала премудрая Ольга, — уже не воскресить мне своего супруга. В оказание моего благоизволения к вашему князю и к вам окажу вам честь и преимущество пред людьми своими. Ныне возвратитесь в судно ваше спокойно, а завтра умеете им показать свое преимущество».

В следующий день пришли посланные от Ольги на берег к древлянскому судну, прося их по княгинину повелению в город на изготовленную для них почесть. Древляне величаясь

ответствовали: «Не хотим ни пеши, ни на конях итти с вами; вы в ладье нашей на головах своих нас понесите». Повинуясь раболепно, посланные с таким странным позорищем вошли на двор теремной. Ольга, смотря с высоты его и смеясь глупой гордости, величание их в горесть превратила. В уготовленную на дворе нарочную яму повелела с ладьею древлян вдруг повергнуть. И приближась спросила, довольно ль приятна им оказанная на сватовстве почесть. Древляне с раскаянием и страхом в яме кричали, что Игорева смерть не принесла им пользы и что за их злодеяние преданы достойной казни. Она совершена вскоре засыпанием их живых в земли по Ольгину повелению.

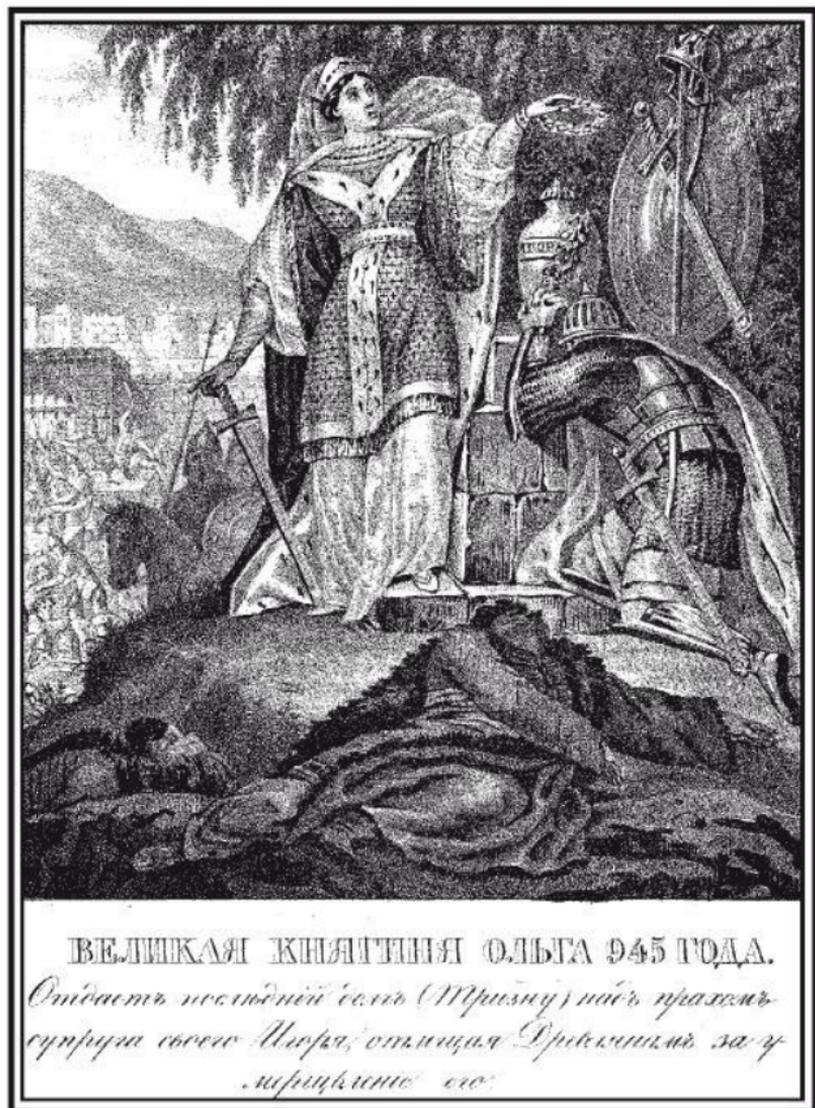
Немедленно отправляются нарочные в Древлянскую землю, чтоб для совершения сватовства присланы были от древлян знатные люди, кои бы приняли и привели Ольгу к своему князю с должною честью, и чтобы ее киевляне удобнее отпустили. Древляне, не видев от своих прежде посланных для уверения ни единого человека, — о сельская простота! — поверили. Пятьдесят правителей земли Древлянския без укушения приехали в Киев. Спросили ль о своих прежних посланцах, ничего о том не упоминается. Здесь что-нибудь Нестором упущено; без того невероятна больше кажется древлянская

оплошность. Ольга повелела их просить после труда дорожного в баню по обычаю российскому, в которой обложенным хворостом зажжены и обращены в пепел.

Страшного сего и сурового мщения нареkanie умяется полезным Ольгиным промыслом, которым знатную часть главных древлянских начальников истребила и приуготовила путь к будущей победе. Для предупреждения о сих делах ея вести в землю Древланскую послала скорого гонца, объявляя, что уже она в пути и чтобы при могиле Игорева приготовлены были разные меды и всяких пицей изобильно, дабы она первому своему супругу на память совершить могла тризну прежде вступления во второе супружество. Древлане обрадовались ея приходу и повеленное исполнили перед главным своим городом Искорестом. Великая княгиня Ольга по обещанию своему с избранными людьми не к брачному веселию, но к бою приходит на уреченное время. Древлане, в праздничном платье цветно надевшись, выезжают из города навстречу и принимают ее с великою честью. На вопрос о первых и вторых посланных ответствовано, что следуют с тяжкими возами великого богатства княгинина, которое она уже больше древланам вверяет. Сверх сего, присутствие Ольгино с малым числом людей довольно было к отнятию сомнения о потаенном коварстве.

По договору своему с древлянами прежде мнимого ими брака возвышает великий бугор над супружнюю могилую, орошает оный слезами, обгаряемый потом кровью его убивцев. Древляне, увидев, что Ольга после горького плача надевается в светлое и брачному торжеству приличное платье, стали веселиться, пировать и поставленными медами упиваться. Киевляне тщились, как слуги, угощать их с великою ласкою и уклонностию; сами по повелению премудрая княгини пили весьма умеренно, не для пьянства, но только для лучшего ободрения к наступающему совершению сокровенного предприятия. Веселящимся и даже до отягощения упившимся древлянам казалось, что уже в Киеве повелевают всем странам российским, и в буйстве поносили Игоря перед супругою его всякими хульными словами. Внезапно избранные проводники Ольгины, по данному знаку, с обнаженным оружием ударили на пьяных; надежду и наглость их пресекли смертию. Пять тысяч порубленных, меж коими множество знатных было, покрыли трупами Коростенское поле, и чаемый брак превратился в ужасную тризну в честь Игорю. Ольга, исполнив свое намерение, в Киев поспешно возвратилась и немедленно собрала знатную силу, чтобы на смятенного в слабости неприятеля, не дав отдохновения, напасть с большим успехом.

Для вящего ободрения своих войск приемлет в участие военачальства сына своего Святослава, младостию и бодростию процветающего. Пришедших на Искорест встретили древляне вооруженною рукою, и как обеих сторон полки сошлись к сражению, Святослав кинул копье в неприятеля и пробил тем коня сквозь уши. Свенельд воевода вскричал: «Князь наш бой начал; други, станем за него крепко». Великого стремления войск Ольгиных и Святославлих не стерпев, древляне устремились в бегство; оставшиеся от посечения меча российского в городах своих затворились. Ольга и Святослав Искорест обступили, который главною виною был Игорева убиения. Осада через целое лето не могла принудить древлян к сдаче для сильной их обороны. Грозная и неизбежная казнь укрепляла в них последние силы к храброму отпору.

Ольга, видя тщету долговременной осады, к хитрости острый ум обращает и, послав перед стены, объявляет древлянам: «Города ваши все мне покорились и дань обещали; уже безопасно пашут

свои нивы. Вы ж хотите помереть голодом, отрицаясь быть данниками моими». Древляне ответствовали: «Мы бы дань платить ради, однако опасаемся, что еще будешь мстить смерть своего супруга». Ольга, уверяя их, сказать велела, «что за Игоря трожды мстила и больше гнева на них не покажет, но, взяв дань, в Киев возвратится со всею силою». Мед и зверских кож мехи (тогдашние деньги) на произволение великой княгине древляне обещали. «Ныне сами вы медом и мехами скудны, — с притворною жалостию говорит Ольга, — малою данью довольна буду: дайте на войско мое по три воробья и по три голубя с дымом. Не хочу отяготить вас чрессильными налогами и супругу своему в том не последую». С охотою древляне требуемое исполнили и от Ольги с удовольствием услышали: «Мне и сыну моему вы покорились; завтра отступлю от города. Скажите жителям сию радость».

Принесенная в город посланными весть произвела в древлянах с отрадою оплошность, в которой только лишь на сон безопасно склонились, повсюду пылающим пожаром пробуждены и внезапным ужасом пришли в крайнее возмущение. Ибо принятым в дань и разделенным по всему войску птицам повелела Ольга привязать по фитилю каждой и к вечеру отпустить на волю. Великое голубей и воробьев множество, прилетев

во свои гнезда с огнем под кровли, в голубятни и на башни, зажгли на всех местах город. Жители не имели времени о гашении домов своих стараться, но в крайней торопливости, желая от огня избыть, бежали вон из города, где встречали и посекали их полки Ольгины. И так, между мечом и пламенем древляне волнуясь, принуждены были из них одному отдаться в жертву. Поиманные старейшины городские иные казнены смертью, иные Ольгиным военачальникам отданы в рабство. На оставшихся тяжкая дань взложена: две части на Киев, третья на Вышгород, который особливо принадлежал и был любим Ольге.

По сем хитрая победительница с храбрым сыном, обшед землю Древлянскую, учредила перевозы, пристани и ловли, положила новые о всем законы и уставы и в Киев принесла корысть и радость. Где успокоясь от трудов один год, новгородскую страну посетить путь предприняла 18. По Мсте и по Луге, где беспорядочные чудские жители худым домостроительством бедную жизнь препровождали, поселила славенских переведенцев, построив погосты; предписала ловли и другие прибыточные учреждения и наложила оброки по всей области; перевозы по Днепру и по Суле,

возвращаясь в Киев, установила. Приближающийся к совершенному мужеству возраст Святославов, любовь взаимная и в цветущем состоянии отечество вящие обещали удовольствия.

Глава 5

О княжении Святославова

Ольга, видя довольные опыты способности своего сына ко владению Российским государством, склонилась желанием к покою, в котором пребывая рассмотрела разность нравов между идолопоклонниками и христианами, которых уже было в Киеве немало после крещения россиян во время несчастливого Оскольдова и Дирова похода к Царюграду. Итак, поручив великое княжение Святославу, единственно обратила мысли к христианскому закону, в котором больше человечества и просвещения усмотрела, нежели в варварском прежнем невежестве. Сим подвигнута,

достигает Константинова града ¹⁹, открывает свое желание царю и патриарху и святым крещением сочетается Христовой церкви, преименовавшись Еленою.

Маловероятное обстоятельство при крещении сея государыни повествует Нестор, то есть о пленении любовью греческого царя к Ольге, и что он перехищен ею был приятием от купели, дабы после не мог требовать как восприемник с нею супружества. Ежели сие было подлинно, то много верить мы должны: первое, что Ольга, после сочетания с Игорем прожив пятьдесят два года, могла еще прельстить царя красотою; второе, что царь греческий и его бояре такие невежды и толь недогадливы и, словом, простаки были больше, нежели древляне, затем что о ближнем кумовстве, супружеству препятствующем, не могли вспомнить. Обстоятельства по возвращении Ольгине в Киев, Нестором показанные и другими писателями яснее изображенные ²⁰, о том рассуждать принуждают, что то учинено было Ольге в насмешку. Ибо царь греческий от просвещенной крещением и в Киев возвратившейся Ольги посольством требовал

---

¹⁹ 955 год.

²⁰ Сборный Временник.

обещанных даров: воску, белых мехов, рабов и войска за его дары в благодарность. Ольга ответствовала, что царь ее обидел, коварствовав ея старости. За дарами бы пришел сам и постоял бы у ней в реке Почайной, как она стояла у него в купели. С таким ответом послы тщетно возвратились.

СВ. КРЕЩЕНИЕ КНЯГИНИ ОЛЬГЫ. 955

*Слова принимаетъ въ Цариградѣ. Св. крещеніе
въ которомъ наречена Еленою.*

Святослав, не внимая закону, в едино военное дело всем желанием вникнул. Однако не запрещал своим подданным креститься; крещеных держал в презрении и посмеянии. Матери своей не отнял власти, проезжая российские пределы, особливо ж Псковскую область, ея родину, обращать народ в закон христианский, ставить кресты и молитвенные дома. Сокупление храбрых воинов и сильных полков почитал самым лучшим своим веселием. Перелетал неприятельские земли наподобие орла и ударял на них леопардовым стремлением. Ни многие обозы с запасами или с орудиями, к приуготовлению пищи нужными, ни шатры, ни постели к упокоению тягостию не препятствовали быстрым походам. Изрезанное тонко всякого рода мясо и на углях испеченное довольно было к его насыщению. Вместо постели из-под седла войлок, седло вместо подушки, епанча за шатер служила, в чем все воинство подражало своему государю.

Первые после древлянских были походы его на Оку, Волгу и Вятку ²¹. Многие платили из них дань козарам, турецкого поколения народу; оных учинил своими данниками. И чтобы утвердить свое

---

²¹ 964 год.

завоевание, на самих козар подвигся ²². Главное селение их было в Херсоне, что ныне Крым зовется, однако и к полунощи далече простирались по широким полям до предел российских. Каган, князь их, встретясь с великою силою, вступил в сражение против Святослава. Но принужден по многом кровопролитии уступать ему победу; взят город Белая Вежа; плененные козаре и с ними побежденные ясы и косоги приведены в Киев пленными.

Между тем греческий царь Никифор Фока царствования своего в четвертое лето увещевал Петра, болгарского государя, письмами, чтобы не допустил турков через Дунай переправиться и опустошать римского владения пределы. Для небрежения сих увещаний и отказов с разными отговорками посылает к Святославу царь патрикия своего Калокира, обещанием даров и услуг возбуждая на болгар. Россияне по мирному с ними договору вошли со Святославом в Болгарию, города и крепости сравнили с землею. По Несторову свидетельству, пришли тогда осьмдесят городов под российскую руку. Переяславец нарек Святослав себе столицею в земли Болгарской, с греков брал дань по прежним договорам.

---

²² 965 год.

В отсутствие великого князя Святослава на Дунае пришли на Россию печенеги ²³. Ольга затворилась в Киеве со внучаты своими Ярополком, Ольгом и Владимиром. Сии ради малолетства, она для старости не могли стать против тяжкой силы печенежской с малым числом людей, оставленных от Святослава. Во время таковой тесной осады Киева невозможно было иметь сообщения с собравшимися людьми для освобождения города и в ладьях на другой стороне Днепра стоящими. Голод и жажда принуждала жителей к сдаче; для того сыскали некоего молодого человека, который взялся дать весть через реку о настоящей крайней нужде в городе. Держа в руке узду, побежал по печенежскому стану и спрашивал их языком о своей лошади. Таким образом достиг Днепра и, скинув платье, за реку поплыл. Стреляли по нем печенеги, но без успеха; весть своим подал, что буде завтра не учинят в судах на неприятеля нападения, город сдастся; мать и дети великого князя в гнусный полон отведены будут. Тогда Притич воевода побуждал собравшихся в судах россиян, представляя в городе бедственную нужду, необходимый гнев Святославов и казнь за оплошность и боязливость. Велел всеми ладьями

---

²³ 968 год.

приступить к киевскому берегу, чтобы хотя избавить из рук печенежских Ольгу со внуками, увезши на другую сторону. При наступлении дня затрубили на ладьях россияне и дерзостно устремились к приступу; люди в городе подняли крик великий. В ужас пришли печенеги, представляя себе пришествие самого великого князя. Отступают от города в разные стороны; и Ольге со младыми князьями свободный проход к ладьям отворился. Видя сие, князь печенежский спросил о шуме и, услышав ответ от Притича, что он военачальник передового войска Святослава, который со всею военною силою за ним в близости следует, пришед в страх, печенег заключил мир с Притичем, дав ему в знак коня, саблю и стрелы, а от него взаимно принял латы, щит и саблю. И так совершенным отступлением печенежским Киев избавился от тесного облежания.

Вскоре отправлены послы к Святославу, которые, достигши на Дунай, бывшее бедство ему возвестили, сказав: «Чужой ты земли, государь, ищешь, свою пренебрегая. Мать и дети твои много страха и нужды претерпели и едва в злодейские руки не впали печенегам. Буде не ускоришь приходом в Киев, то, конечно, новым нападением неприятели кровь твою похитят. Сжался над отчиною своею, над престарелою матерью и над детьми малолетними». Побужден чрез сие,

Святослав без укушения на конях со многим войском направил путь свой к Киеву, где с жалостию и радостию целовал мать и детей своих и печенегов отогнал в отдаленные места от киевских пределов.

Потом, устроив все мирно и положив город в безопасности, говорил с матерью о своих намерениях и притом объявил ей и боярам: «В Киеве жизнь мне не нравна; затем пойду на Дунай в Переяславец, где середина моего владения и всякое изобилие ко мне собирается: из Греции серебро, золото и паволоки, вино и овощи различные; из Богемии и Венгрии серебро и кони; из России мягкая рухлядь, воск, меды и люди». Ольга, проливая слезы, представляла: «Что оставляешь нас, любезный мой сын, сирых?»

Чужих земель желаешь, а свою кому поручаешь? Дети твои малолетны, я дряхлой старости достигла и, конечно, к смерти изнемогаю. При конце моя жизни вспомни прежнее к тебе матернее прошение, веруй со мною единому Богу Вседержителю. Он подаст тебе к земному небесное царство. Но ты сего учения ненавидишь и на гнев преклоняешься. Итак, единого прошу, пребудь здесь краткое время, до скончания моего течения. Погреби тело мое по христианскому закону, не сыпь высокой надо мной могилы и не совершай тризны по обычаю неверных». По сем завещании в

третий день преселилась блаженная Ольга к вечному покою. Святослав, исполнив ее повеление, с плачем проводил святое тело ко гробу. Внуки, бояре и весь народ жалостным воплем отдали последнее целование великой героине, премудрой правительнице и истинной богоугоднице, жившей в супружестве сорок два года, после Игоря до крещения десять, в христианстве пятнадцать, всего близ лет осьмидесяти. Оставшие христиане неутешно рыдали, лишась себе прибежища.

Перед вторым походом храброго Святослава на Дунай присланные от великого Новгорода нарочные били челом, соединив прошение с республичною грубостью, чтобы великий князь посадил, кого изволит, на княжение новгородское²⁴; буде ж никто из детей Святославлих не пойдет, то сами найдут себе иного князя. Святослав сказал: «Выбирайте; лишь бы кто к вам пошел, зная ваше упорство». Ярополк и Ольг тотчас отказались. Новгородцы по совету Добрынину стали просить Владимира. На что Святослав охотно склонился и молвил: «Будьте вы его». Владимир рожден был от Ольгиной ключницы, именем Малуши, дочери некоего Малка, родом любчанина, сестры Добрыниной. С сим своим дядею в великий

---

²⁴ 970 год.

Новгород отпущен на княжение. Старшему сыну Ярополку поручил Святослав вместо себя Киев, среднему Ольгу Древлянскую землю; сам предпринял поход на Дунай к Переяславцу с великим воинством 25.

Перед тем Иоанн Цимисхий, коварно царя Никифора Фоку по наущению жены его убив, воцарился 26. Болгаре в Переяславце от Святослава затворились; вышли потом против россиян на вылазку и начали их осиловать. Отступающих своих, разъезжая по полкам, князь укреплял к бою, дабы лучше все головою пали, нежели бегством затмили прежнюю свою храбрость. К вечеру одержана над болгарами победа; два сына Петровы, болгарского государя, Борис и Роман в полон взяты.

По сем россияне, по желанию своего князя, для великой удобности мест владение и пребывание свое на Дунае утвердить в намерении положили. Сие их предприятие основалось еще больше Калокиром, который обещал, что ежели его россияне возведут на престол Греческого царства, то союз с ними поставит, уступит вечно Болгарию и

---

25 971 год.

26 Кедрин, стр. 415. Зонар, кн. 17, гл. 2, 3 и 4.

обещанную им дань умножит. Сим россияне обнадежены, Болгарию причли в свое владение и послов Цимисховых без успеху о мире отпустили, ибо Святослав велел послам сказать, чтобы греки платили дань по-прежнему: за неисполнение, как болгары, постраждут. Греки, притворясь быть к тому готовыми, спросили, много ли у Святослава войска, дабы по числу их дань расположили. Вопрос их коварно простирался для изведывания числа войск российских (сие повествуя, Нестор «льстивы, — говорит, — греки и до сего дня»). Святослав, имея только десять тысяч, сказал грекам число сугубое для устрашения и для получения большей дани.

Цимисхий собрал войска до ста тысяч, привел восточные полки к западу, и Варде Склеру, своему шурина, поручил военачальство. Россияне с великим князем Святославом, услышав переезд греческого войска, соединили подданных себе болгар и, присовокупив в сообщество печенегов и живших в западной Венгрии турков, в трехстах осмидесяти тысячах вошли во Фракию, опустошая все грабежом и пламенем, и, ополчась станом при адрианопольских стенах, ожидали к сражению случая. Варда сидел в Адрианополе с двенадцатью тысячами греческого войска и, не дерзая против осадивших город выйти вылазкою, пришел у болгар в презрение, которое причиною было их нерадения:

ибо стали беспорядочно стоять в станах, не прилежать о караулах и, сверх того, по ночам роскошничать, препровождая оные в веселии и в пьянстве. Варда выслал малое число людей на болгар выманить к бою. И как бегущих греков беспорядочно гнали, Вардиным войском, со сторон из засады вышедшим, разбиты и отогнаны, в коем числе воспоследовало и печенегов немалое падение. Прочее войско, из россов состоящее, продолжало бой с греками до ночи. На кровопролитном сем сражении многий ущерб почувствовали обе стороны, и хотя греков только, по свидетельству Кедрина, мало легло на поле, однако все были ранены.

Потом царь Иоанн Цимисхий, во второе лето своего царства предпринимая поход на Святослава, старался присовокупить к пешему войску флот на Дунае, к чему новые суда построить и старые велел исправить. Способствовало к тому весеннее время. Приближающемуся к Редесту, двое россиян пришли навстречу под видом посланничества, а делом для осмотра греческого войска. Нарочно показанному себе по царскому повелению греческому войску в украшенном строю дивились. Отпущены с тем, чтобы князю своему о исправности противных полков возвестили. Вслед оных с пятью тысячами пехоты и с четырьмя конницы спешно перешел гору Гем, к российским

полкам внезапно приблизился перед столичный болгарский город Переяславец. Калокир, начинатель сея войны, сидевший тогда в городе, услышав звук труб от греческого войска и присутствие самого Цимисхия, ужаснулся и немедля тайно из города ушел в стан российский, где известие, от него полученное, произвело в войске робость. Святослав, сильным увещанием ободлив унылых, поставил свой строй при Переяславце против греческого стана. Вскоре греки нападение учинили. Сразились обои войска жестоко. Сидевшие россияне из города выпали своим полком в помочь, от чего для тесноты замешательство учинилось и ущерб Святославим силам. Свигелл, первый его военачальник и в Переяславце градодержатель, отвращая опасность от города, ворота запер и, огородясь жердьми и копьями, отбил стрелами и камнями от стены греков. Наступившая ночь приступ к городу и бой пресекла. На другой день воевода греческий Василий с прочим царевым войском приспел при восхождении солнца, царя обрадовав и ободлив всех греков, которые соединенным стремлением к городу приступили. По жестокой и упрямой обороне россияне принуждены были оставить стены во власть неприятелям и оградю царского дому защищаться. Греки, не возмогши взять силою, огонь вместо орудия употребили, истребили

россиян из города. Многие сгорели; иные в полон взяты; некоторое число спасшись печальную весть принесли Святославу. И так Переяславец взят, обновлен и во имя Цимисхиево Иоаннополем проименован.

Святослав хотя весьма уроном возмущился, однако мужественным видом и словом ободрял свое войско дерзостно итти против греков. Триста человек подозрительных болгаров предал смерти и двенадцать миль перед Доростелем ополчился, ожидая Цимисхиева прихода. При схождении на сражение обоих войск государи ободряли своих солдат, и по трубному голосу снялись равным дерзновением. Двенадцать раз греки в бегство обращались. Однако ж Цимисхий своим присутствием под царскими знаменами открытно наступал на россиян, поощряя коня и копье свое в них бросая. И таким образом принудил Святослава отступить в Доростоль, к коему приближась, стал станом, ожидая своего флота по Дунаю для способнейшего приступа к городу. Между тем Святослав военнопленных болгар велел держать связанных, числом около двадцати тысяч, опасаясь от них возмущения, и таким образом приготовился выдержать осаду.

По приезде судов Цимисхий зачал добывать город. Тогда в кровопролитных вылазках и сражениях Святослав потерял храброго военачальника и ближнего своего боярина Свигелла; однако город кругом укрепил рвом глубоким и положил твердо стоять против греческих приступов. Великая нужда, от долговременного греческого облежания в съестных

припасах происшедшая, заставила россиян употреблять тайные поиски в свою пользу.

В темную и дождливую ночь две тысячи человек сели в мелкие суда и по Дунаю поехали искать себе припасов для пропитания войска. Собрав довольное множество всякого хлеба и возвращаясь к Доростолу, заметили на берегу много обозных людей греческих, которые для поения лошадей, для собрания дров и сена по берегу рассеяны, ходили безопасно. Внезапным нападением великое поражение и ущерб Цимисхию причинив, в Доростоль с довольною добычею возвратились. Осмь недель претерпевая россияне осаду, особливый вред от стенобитной махины, поставленной полководцем Куркуём, чувствовали в городе. Для того высланные от Святослава избранные воины, чтоб пагубное сие истребить орудие, Куркуя убили, невзирая на его храбрость. Из россиян мужественный военачальник Икмор, не родом, но удалством достигший своего чина, второй по Свигелле, живота лишился от меча Анемала, стипатора царского. После оной кровопролитной вылазки находили греки между российскими трупами убиенных женщин, которые в мужеском одеянии мужскою храбростию сражались с неприятелем, доказывая истинное сродничество с древними амазонками.

В таковых утеснениях многие советовали бегство предпринять восвояси, иные — мир с греками поставить. Святославу одно бесчестно, другое бесприбыльно, обое опасно казалось. Для того, еще хотя отведать своего счастья и тем показать постоянство российской храбрости, говорил к своим: «Деваться нам больше некуда: своя земля далече; неверные печенеги живут на дороге; союзники, опасаясь по соседству греков, помощи нам не пришлют. Станем храбро и не посраим своего отечества, не дадим себя в презрение трепещущим от нас народам. И если счастье мужеству нашему будет противно, положим свои головы: мертвые не стыдятся. Первый сам перед вами на сражение выйду. Когда голова моя ляжет, вы как хотите о себе промышляйте». Все единогласно воскликнули: «Где твоя, государь, тут и наши головы будут».

Уже с восхождением зари город отворяется; выходят с отменной бодростию и скоростью за благонадежным своим предводителем и государем полки российские без остатку полыми везде к неприятелю воротами, которые по Святославлю повелению за ними затворены для пресечения всея надежды на бегство. Почувствовали греки свое изнеможение и россиянам уступают поле. Великий зной и тягость их оружия и чрезвычайное россиян дерзновение отнимает неприятелям силу и надежду.

Цимисхий, на место сражения прискакав, ободряет своих к бою; изнемогших и с побоища уклоняющихся повелевает укреплять вином и водою. И хотя полки греческие присутствием царским и утолением жажды большее показали сопротивление, однако от города отступили на пространное поле. Кедрин пишет, что греки сим отступом нарочно хотели выманить россиян на пространство, чтобы их окружить своею силою, однако от того вымысла не имели успеха. Цимисхий, видя своих падение, послал в буйности ко Святославу вызывать его с собою на поединок с советом, что лучше умереть одному за отечество, нежели толикому народа множеству. Святослав отвечив: «Много есть разных путей к смерти, из коих царь греческий может себе любой выбрать, буде ему жизнь наскучила. А что мне полезно, то сам лучше знаю, нежели мой неприятель». Между тем на кровопролитном сражении Анема Храбрый, надеясь убиением российского князя вскоре одержать совершенную победу, устремился на своем коне прямо против Святослава и ударил его по голове саблею, но он неврежден под своим шлемом остался; Анема убит по крепкой обороне. На сем сражении по Кедрину свидетельству греки, по Несторову — россияне верх одержали. Вероятнее всего, что победа в сомнении осталась.

Между тем Святослав, рассудив малое число своего войска и во всем недостаток, к миру преклонился. Итак, вечный союз утвердив с греками, в Россию путь предприимлет ²⁷. Военачальникам объявляет, что ежели греки отрекутся платить дань, которую, как Нестор пишет, давать обещались, бесчисленное собрав войско, паки на Дунай и к Царюграду для взыскания оныя пойдет. Цимисхий, возвратясь в Царьград, плененного болгарского царя Бориса с триумфом вводит и при всенародном множестве снимает с него венец и прочие царского достоинства признаки для уничтожения Болгарского царства.

В приближении к Днепру Свенельд советовал Святославу итти к Киеву на конях, представляя опасность водяного ходу и что в порогах стояли печенеги. Непринятию доброго совета последовала гибель, ибо переяславцы с Дуная подали весть печенегам, что Святослав идет из Греции малолюдн, везет с собою великое множество плененного богатства.

Обрадованные тем печенеги пороги заступили и, Святославу пресекши путь, отвсюду россиян окружили. Принуждены будучи зимовать в

---

²⁷ 971 год.

Белобережии и претерпевать великий недостаток в съестных припасах, ужасный голод принудил тогда покупать лошадиную голову по полугривне. В начале весны в походе к Киеву порогами напал на россиян Куря, князь печенежский, нечаянным набегом, где Святослав имения и живота лишился. Череп головы его, золотом оправленный, служил вместо чаши печенегам при пирных веселиях с надписанием: «Кто чужого ищет, свое потеряет». С малыми остатками Свенельд достиг в Киев к Ярополку.

Беспрестанными войнами славное и беспокойное владение великого князя Святослава Игоревича продолжалось лет двадцать осмь; всего жил около пятидесяти трех лет.

Глава 6 О княжении Ярополкове

Старший сын Святославль Ярополк по несчастливом отца своего скончании принял

киевское великое княжение и правление 28, с которым ради несовершенного возраста сам состоял под правлением Свенельдовым, бывшего первым военачальником при отце его и деде. Сею властью напыщен, сын Свенельдов, именем Лют, оскорблял многих своим злым самовольством, как то имя (конечно, прозвище) и обстоятельства изъясняют, ибо он был главною виною плачевного братоубийства.

Выехал некогда на звериную охоту в пределы древлянские владения Ольгова, где сам князь древлянский Олег в том же упражнении прилучился. Спросил о приезжем охотнике и, уздав, что то сын Свенельдов, на гнев подвигся; уже несомненно до того времени о буйстве его предупрежден был слухом. И так изъехав Люта убил на той охоте. Свенельд, болезнуя сердцем и злобясь на Ольга, с того времени часто советовал Ярополку, чтобы присовокупил к своему владению Древлянскую землю и, как отец и дед, был бы един самодержавец. Через сие потаенно и коварно искал смерти Ольговой для отмщения смерти сыновней.

Наконец, стужанием и прошением своего любимого и многою властью сановитого боярина побужден, восстал Ярополк войною на древлян

против брата своего Ольга, который хотя встретился противным ополчением, но по жестоком сражении принужден был в бегство обратиться к городу древлянскому, называемому Вручаю, где плотина вместо мосту для въезду в ворота городские служила. Множество бегущих и гонящих, стеснясь, друг друга с мосту пхали. Олег, упав в ров глубокий, под множеством людей и коней, сверху поверженных, задавлен, живота лишился. По взятии города послал Ярополк искать его между трупами мертвых, и по объявлению некоего древлянина искали его во рву целый день, разбирая убиенных. На другой день едва найден; толикая пагуба от тесноты места или, праведнее сказать, от братского междоусобия причинилась!

На ковре положенное тело увидев, Ярополк возрыдал горестно и в раскаянии говорил: «Лучше бы мне, любезный мой брат, умереть было, нежели тебя видеть мертвого и мною живота лишенного. А ты, мститель, — Свенельду сказал со гневом, — видишь исполнение своей злобы. До чего ты довел мое легкомыслие?». По Ольгове погребении и по совершении тризны перед Вручаем Ярополк возвратился в Киев как самодержец российский.

Слышав сие, Владимир отъехал из Новагорода к варягам, дабы не пострадать того же, что среднему брату приключилось. От Ярополка

посажены были немедленно в Новгороде
наместники.

Счастье, нередко злодеяниям
поспешествующее, присовокупило Ярополку к
победе над братом другую над печенегами, которые
отдались ему в данники. И князь их Алдея вступил
в российскую службу, получив великую честь с
волостями и городами.

Новгородские летописатели присовокупляют,
что во владение Ярополково приходили послы от
папы в Киев. По обстоятельствам поверить можно,
что, уздав римского исповедания христиане о
войнах российских с греками и притом о множестве
христиан в Киеве, покушались ввести в Россию
веру и власть папешскую, равно как и после, при
Владимире, о законе было посольство от папы.

Последний год владения Ярополкова
устрашал народ помрачением луны и солнца и
последовавшими ужасными громами и вихрями, из
чего предвозвещали многие от великих перемен
несчастье. Вооружение Владимирово было
яснейшим и достовернейшим того
предвозвещением, ибо, наняв множество варягов и
привлекши великими обещаниями, внезапно
вооруженный меньший брат на мщение за среднего
в Великий Новгород со мною силою возвратился;
наместников